

П. В. Силаев
г. Смоленск, Россия

СХОЖИЕ ЛЕЙТМОТИВЫ ОБРАЗА ПОМЕСТЬЯ В РОМАНЕ ДАФНЫ ДЮ МОРЬЕ «РЕБЕККА» И ЧЕХОВСКОМ «ВИШНЕВОМ САДЕ»

К концу XIX века в английской литературе образ сельской «пасторальной» Англии стал одним из популярных топосов, став «сердцевиной национальной идентичности» [1]. Сельская Англия изображалась как утопически идеальная пасторальная страна Аркадия, созданная авторским воображением «идеальная страна вечной любви и красоты, возможная лишь в сельской местности и противопоставленная негармоничному городу» [2, с. 3]. К наиболее раннему упоминанию Англии-Аркадии можно отнести пасторальный роман Филиппа Сидни «Аркадия», вышедший впервые в 1580 г.

Данная тенденция зародила традицию романа об усадьбе (country-house novel), в котором сельская усадьба часто ассоциировалась с ностальгией по

миру порядка и стабильности, который представляется некогда существовавшим, а потом утраченным. Образ «идеальной» английской усадьбы нашел отражение в произведениях таких писателей XX века, как роман Эдварда Форстера «Говардс Энд» (1910), романах Ивлина Во «Пригоршня праха» (1930), «Возвращение в Брайдсхед» (1945) и в некоторых других.

В романах об усадьбе ее образ служит своего рода «жанровой доминантой» произведения, от которой зависят остальные элементы художественной организации романа: система персонажей, изображение социального мира, развертывание сюжета, образная система, пейзаж» [2, с. 7]. Постепенно изображение идиллического мира природы, воплощенного в образе помещичьего парка или сада превратилось в своеобразный жанровый канон.

В вышедшем в 1938 г. романе Дафны дю Морье «Ребекка» («Rebecca») критики в разное время находили черты любовного романа, психологического детектива и даже «готической мелодрамы». Последний жанр отличает запутанная и сложная интрига, высокая эмоциональность и резкое противопоставление добра и зла, а отличительными чертами являются повествование от лица женщины, превалирование женской точки зрения, встреча с таинственным незнакомцем, а также элементы психологизма, рефлексии героини по разным поводам, увеличивающие уровень драматической напряженности [3; 4; 5].

Все эти признаки можно легко обнаружить в романе Дафны дю Морье, но среди них, словно остов изящной неоготической литературной конструкции, лишенной сверхъестественной мистики, проступают черты романа об усадьбе. Исследователи творчества Дафны дю Морье полагают, что для изображения родового поместья Мендели в романе автор позаимствовала некоторые черты реально существующих английских поместий и, в большей степени, запечатлела красоту поместья Менабили (Menabilly), расположенного в Корнуолле (оно даже созвучно названию поместья в романе) [6]. Мендели в «Ребекке» – это не просто место, где происходят главные события произведения, но и зримый хранитель истории предшествующих поколений, символ гармонии и порядка, а усадебный парк – убежище от потока времени и смерти.

В тексте романа также можно обнаружить и чеховские мотивы: схожие ностальгические воспоминания о счастливом детстве хозяев, образ старого лакея Фриса, чтущего старые усадебные традиции и манеры обращения с господами, общее будущее поместья – дачные участки арендаторов. Такая интертекстуальность усиливается наличием достаточно большого количества схожей эксплицитной и имплицитной информации, помогая подготовленному читателю лучше проникнуться нравственно-эстетической концепцией произведения: мифологизацией образа «пасторальной Англии-Аркадии» и обреченности от ее потери. Рассмотрим такие моменты подробнее.

Примечательно то, что на страницах своей книги Дафна дю Морье нигде не предоставляет развернутого описания усадьбы: ее множественные описа-

ния фрагментарны, но все вместе они образуют своеобразный калейдоскоп, создающий целостную картину. Так величие и богатство родового поместья раскрывается через взаимосвязь следующих дескриптивных элементов:

1. Возраст и статус (многовековой возраст и посещение его важными особами). В нем находятся знаменитые хоры для менестрелей и очень ценные портреты: «That minstrels' gallery is a gem ... and some very valuable portraits» [7, p. 22] («Эта галерея менестрелей – настоящая жемчужина ... и несколько очень ценных портретов»). Мендели – фамильное владение со времен нормандского завоевания, а это 1066 г.: «That lovely home has been in his family's possession since the Conquest» [7, p. 23] («Этот прекрасный дом был во владении его семьи со времен Завоевания»). Здесь предки Максимилиана де Винтера принимали членов королевской семьи: «Mr de Winter's ancestors often entertained royalty at Manderley» [7, p. 22] («Предки г-на де Винтера часто принимали королевских особ в Мендели»).

2. Архитектурное величие, интерьер и размеры. По красоте все большие загородные дома и в подметки Мендели не годятся, и раз в неделю посмотреть на некоторые комнаты сюда пускают посетителей: «It looks perfectly enchanting ... it had all those big places beat for beauty» [7, p. 22] («Он выглядит очаровательно ... и превосходит все другие большие усадьбы красотой»). Восхищение вызывают грациозная симметрия и классическая простота фасада: «The symmetry of the building, the wide stone steps before the terrace, the green lawns stretching to the sea» [7, p. 32] («Симметрия здания, широкие каменные ступени перед террасой, зеленые лужайки, уходящие к морю»); лабиринт коридоров: «The exquisite labyrinth of staircases leading to the minstrels' gallery» [7, p. 87] («Изысканный лабиринт лестниц, ведущих в галерею менестрелей»); множество комнат, многие из которых не используются в настоящее время, что, однако, не стесняет жизнь обитателей дома: «There were so many windows in Manderley, so many rooms that were never used by Maxim and myself that were empty now; dust-sheeted, silent, rooms that had been occupied in the old days when his father and his grandfather had been alive, when there had been much entertaining, many servants» [7, p. 223] («В Мендели было так много окон, так много комнат, которыми мы с Максимом никогда не пользовались, а теперь они пустовали; пыльные, тихие комнаты, которые были заняты в былые времена, когда были живы его отец и дед, когда было много развлечений, много слуг»). Некоторые комнаты, связанные с жизнью Ребекки в Мендели, удостоиваются подробного описания интерьера: «Yes, it was a beautiful room. Mrs. Danvers had not exaggerated that first evening. It was the most beautiful room in the house. That exquisite mantelpiece, the ceiling, the carved bedstead and the curtain hangings, even the clock on the wall and the candlesticks upon the dressing-table beside me, all were things I would have loved and almost worshipped had they been mine» [7, p. 95] («Да, это была красивая комната. В тот первый вечер миссис Дэнверс не преувеличивала. Это была самая красивая комната в доме. Изысканный камин, потолок, резной каркас кровати и занавески, даже часы на стене и подсвечники на туалетном столике рядом со мной – все это были вещи,

которые я бы любила и почти поклонялась бы им, будь они моими»). В данном отрывке при описании предметов мебели автор использует такие глаголы, как *exaggerate* 'преувеличивать', *worship* 'поклоняться', а также эпитеты *exquisite* 'изысканный', *carved* 'резной', раскрывая тем самым утонченную натуру владелицы, а сложный сослагательный оборот вместе с эмфатической конструкцией «*I would have loved and almost worshipped had they been mine*» подчеркивает наивысшую степень восхищения героини увиденным, идя в разрез со свойственным англичанам преуменьшением в выражении сильных эмоций.

3. Количество прислуги и сложная иерархия их отношений: старые слуги еще помнят предыдущие поколения владельцев Мендели; море лиц, увиденное новой хозяйкой в холле дома по прибытии; «зловещая» экономка миссис Дэнверс и ее авторитет среди слуг, особое отношение к ней гостей и членов семьи де Уинтер и др.

4. Устоявшийся ритм жизни великосветского английского поместья, в котором обязательно должно отводиться достаточно утреннего времени на проверку и написание ежедневной корреспонденции (только вот новой миссис де Уинтер, в отличие от прежней хозяйки, некому писать), а сервировка блюд во время приемов пищи поражает своим чрезмерным изобилием, как, например, в описании завтрака Максима и его новой жены, который бы насытил дюжину самых взыскательных гостей-англичан: «*There was tea, in a great silver urn, and coffee too, and on the heater, piping hot, dishes of scrambled eggs, of bacon, and another of fish. There was a little clutch of boiled eggs as well, in their own special heater, and porridge, in a silver porringer. On another sideboard was a ham, and a great piece of cold bacon. There were scones too, on the table, and toast, and various pots of jam, marmalade, and honey, while dessert dishes, piled high with fruit, stood at either end. It seemed strange to me that Maxim, who in Italy and France had eaten a croissant and fruit only, and drunk a cup of coffee, should sit down to this breakfast at home, enough for a dozen people, day after day probably, year after year, seeing nothing ridiculous about it, nothing wasteful*» («Там был чай в большом серебряном чайнике, а еще кофе, и на подогревателе, очень горячем, стояли блюда с омлетом, беконом и еще одно с рыбой. Было также немного вареных яиц в собственном особом подогревателе, каша в серебряной миске. На другом буфете были ветчина и большой кусок холодного бекона. На столе были булочки и тосты, а также различные горшочки с джемом, вареньем и медом, а десертные блюда, заваленные фруктами, стояли по бокам. Мне показалось странным, что Максим, который в Италии и Франции ел только круассан, фрукты и выпивал чашку кофе, дома садился день за днем, год за годом, за завтрак, которого хватило бы на дюжину человек, не видя в этом ничего смешного, ничего расточительного» [7, р. 95]). Обязательными были визиты соседей и проведение маскарадов как одного из наиболее значимых светских событий в графстве: «*The Manderley ball was generally an annual affair. Everyone in the county came. A lot of people from London too. Quite a big show*» [7, р. 95] («Бал Мендели обычно проводился ежегодно. Приходили все жители округа. Также много людей из Лондона. Довольно большое шоу»).

5. Удивительная природа парков и лужаек, ведущих к морю. К созданию пейзажных зарисовок Дафна дю Морье подходит с особой тщательностью. Первая глава романа, описывающая сон героини, где она снова возвращается в Мендели, целиком посвящена изображению природы и окрестностей усадьбы (частичная реконструкция ее первых впечатлений от поместного парка, когда она с мужем подъезжают дому). Лес и дикие растения постепенно завоевывают пространство поместья; деревья и кустарники описываются как огромные исполины, тянущие к аллеям свои жадные руки, которые, переплетаясь, образуют арки, словно в церкви: «Nature had come into her own again and, little by, little, in her stealthy, insidious way had encroached upon the drive with long tenacious fingers. The woods, always a menace even in the past, had triumphed in the end. They crowded, dark and uncontrolled, to the borders of the drive. The beeches with white, naked limbs leant close to one another, their branches intermingled in a strange embrace, making a vault above my head like the archway of a church» [7, p. 2] («Природа снова вступила в свои права и мало-помалу, скрытными, коварными путями захватывала все это своими длинными цепкими пальцами. Лес, который всегда был угрозой даже в прошлом, в конце концов восторжествовал. Он подступил, темный и неконтролируемый, к границам проезжей части. Буки с белыми оголенными конечностями прижались друг к другу, их ветви смешались в странном объятии, образуя свод над моей головой, похожий на арку церкви»). Образность и живость данного фрагмента достигается за счет персонификации природы: глаголов с семантикой человеческого движения *encroached* 'посягнул', 'захватил', *crowded* 'нагромождался', 'подступил', *leant* 'наклонился', 'прижался', *intermingled* 'смешался', существительных *fingers* 'пальцы' и *embrace* 'объятие', создающих ощущение неизбежности нежелательного телесного контакта. Кроме того, такие эпитеты, как *stealthy* 'скрытный', *insidious* 'коварный', *tenacious* 'цепкий', *dark* 'темный', *uncontrolled* 'неконтролируемый', *strange* 'странный', придают атмосфере мистический и немного зловещий характер (в лучших традициях готической литературы).

6. Запахи усадьбы. Огромную роль в произведении играют запахи. Как отмечает Е. Е. Дмитриева, «конкретизация запахов, т. е. детализация не только визуальных, но и обонятельных впечатлений присуща практически всем классическим романам об усадьбе» [8, с. 135]. Мендели расположен на побережье, поэтому запахи растений в «Ребекке» часто перемешиваются с запахами воды (моря, дождя, сырого тумана). Запахи источают не только растения, они присутствуют в комнатах, ими пропитаны мебель и книги, и все они вызывают у главной героини разные ассоциации. Так, например, в библиотеке она ощущает древний мшистый запах, запах церкви, где редко бывает служба: «It was an ancient mossy smell, the smell of a silent church where services are seldom held, where rusty lichen grows upon the stones and ivy tendrils creep to the very windows» [7, p. 89] («Это был запах древнего мха, запах тихой церкви, где службы проводятся редко, где ржавый лишайник растет на камнях, а усики плюща ползут к самым окнам»).

Наиболее приятны ей ароматы колокольчиков, роз и сирени, часто наполняющие дом: «They [bluebells] had a smoky, rather bitter smell, as though a wild sap ran in their stalks, pungent and juicy ... His earliest recollection was of great branches of lilac, standing in white jars, and they filled the house with a wistful, poignant smell» [7, p. 17] («У них [колокольчиков] был дымный, довольно горький запах, как будто по их стеблям тек дикий сок, острый и сочный ... Его самые ранние воспоминания были о больших ветках сирени, стоящих в белых кувшинах и наполнявших дом тоскливым, резким запахом»). Эпитеты *smoky* 'дымный', *bitter* 'горький', *pungent* 'острый', *juicy* 'сочный', *wistful* 'задумчивый', 'тоскливый', *poignant* 'резкий' позволяют читателю «вдохнуть» запах растений и прочувствовать постоянно наполненную цветами атмосферу богатого поместного английского дома.

Цветочный запах, а именно аромат азалии, приобретает в романе символическое значение. Азалия – любимый цветок, а также любимый аромат духов прежней хозяйки Мендели. Героиня буквально окунается в него, попав в комнату Ребекки: «The wardrobe smelt stuffy, queer. The azalea scent, so fragrant and delicate in the air, had turned stale inside the wardrobe, tarnishing the silver dresses and the brocade, and the breath of it wafted towards me now from the open doors, faded and old» («В шкафу пахло странно, душно. Запах азалии, такой ароматный и нежный в воздухе, застоялся в шкафу, запятнав серебряные платья и парчу, и его дыхание теперь доносилось до меня из открытых дверей, поблекшее и старое» [7, p. 96]). При помощи таких эпитетов, как *stuffy* 'душный', *queer* 'странный', *stale* 'несвежий', *faded* 'блеклый', *old* 'старый', Дафна дю Морье показывает, как ароматный и нежный запах азалии с течением времени меняется, становясь неприятным для восприятия, и, следовательно, от его присутствия в доме героине нужно избавиться как от болезненного напоминания о семейном прошлом ее мужа.

Интересно, что в первых главах романа, повествующих о знакомстве героини с Максимом, она мечтает о том, чтобы кто-нибудь придумал сохранять воспоминания, как духи, запечатые во флаконе, чтобы их можно было «вдыхать» и переживать все заново: «'If only there could be an invention', I said impulsively, 'that bottled up a memory, like scent. And it never faded, and it never got stale. And then, when one wanted it, the bottle could be uncorked, and it would be like living the moment all over again'» [7, p. 32] («Если бы только могло быть изобретение, – сказала я импульсивно, – которое удерживало бы воспоминание, как запах. И он никогда бы не поблекло, никогда бы не застаивалось. А потом, когда захочется, бутылку можно было бы откупорить, и это было бы все равно что заново прожить тот момент»). Аромат азалии – аромат чужого женского присутствия – преследует героиню, она ощущает его на забытом Ребеккой в макинтоше носовом платке, в любимых комнатах Ребекки, в лодочном домике Ребекки на берегу. Азалия – теплолюбивое, оранжерейное растение, разновидность рододендрона, а именно разросшимися одичавшими родендеронами заполнен поместный сад и парк Мендели. Ароматы азалии и

родендеронов неотделимы от Мендели, как и витающий повсюду образ Ребекки, и героиня, хотя и любимая мужем, ощущает себя здесь лишь посетителем этого «музея» чужих воспоминаний и напоминаний.

7. К наиболее «размытым» дескриптивным элементам можно отнести наиболее частотные эпитеты, которые героиня использует для описания внешних характеристик поместья: *solid* 'твердый', 'прочный', *great* 'великий', 'большой', *serene* 'безмятежный', *peaceful* 'мирный', *perfect* 'совершенный', *graceful* 'изящный', *soft* 'мягкий', *rusted* 'ржавый', а также *secretive* 'скрытный' и *silent* 'тихий' для передачи таинственной атмосферы его закоулков. Отметим и минималистическое использование цветовых характеристик. Только растения иногда обретают цветное описание, например: «*blood-red rhododendrons*» [7, p. 80] («крово-красные рододендроны»), «*It's like a blue wall along here when the hydrangeas are in bloom*» [7, p. 83] («Здесь как будто синяя стена, когда цветут гортензии»).

В начале повествования героиня впервые узнает о Мендели, случайно приобретя в юности цветную открытку с изображением данного поместья, а в ретроспективных отрывках повествования она часто вспоминает о красках, ароматах, звуках Мендели, но вот какого цвета мебель, занавески и стены дома мы так и не узнаем. При этом цветное описание «включается», когда миссис де Уинтер наносит визиты своим соседям, и мы «видим» красные кирпичные стены их домов, зеленые обои, уютные голубые диваны. Складывается впечатление, что автор намеренно создает эффект «цветовой недосказанности» для того, чтобы читатели смогли сами представить себе Мендели как идеальное английское поместье, выбрав для этого собственную палитру цветовых предпочтений, что, безусловно, придает ему еще больше загадочности и символичности.

Отражения всех описанных выше дескриптивных элементов, кроме усадебных запахов и описания садовой части поместья, прилегающей к морю, можно увидеть в чеховском «Вишневом саде» в сжатом виде. Последнее можно объяснить разными жанрами произведений: в отличие от романа с возможностью пространственных описаний и авторских суждений, в пьесе всегда преобладают событийные моменты и диалогическая речь.

Кроме вышеописанных дескриптивных элементов, читатель на протяжении всего романа видит поместье глазами разных персонажей (то же, что и в «Вишневом саде»: от умиления семьи Раневской до пренебрежения Яши и прагматизма Лопахина). Одни восхищаются и искренне любят Мендели (Максим, его сестра и их друзья), другие находят в нем признаки величественности и аристократизма – снобизм и избранность (миссис Ван Хопер, миссис Дэнверс), а третьи его боятся и не могут к нему привыкнуть (новая миссис де Уинтер). Именно от лица последней ведется повествование (в романе ни разу не упоминается ее имя). На протяжении всего романа, мы видим то, как меняется ее отношение к этому загадочному месту. Поначалу Мендели восхищает и привлекает героиню: «*A thing of grace and beauty, exquisite and faultless, lovelier even than I have ever dreamed, built in its hollow of smooth grass-*

land and mossy lawns, the terraces sloping to the gardens, and the gardens to the sea» [7, p. 48] («Вещь необычной грации и красоты, изысканная и безупречная, прекраснейшая из тех, о которых я когда-либо мечтала, построенная среди гладких пастбищ и мшистых лужаек, с террасами, спускающимися к садам, а садами – к морю») Как мы видим, для описания поместья автор использует эпитеты, выраженные такими существительными и прилагательными, как 'grace' грация, beauty 'красота', exquisite 'изысканный', faultless 'безупречный', smooth 'гладкий', mossy 'мшистый', а глагол slope 'клониться', 'спускаться' в сочетании с цепным повтором слова garden 'сад' призван подчеркнуть гигантские размеры владения, которое буквально «растеклось» по округе.

Однако все мечты героини о радужном будущем в Мендели рушатся, когда она встречается с миссис Дэнверс. Надменность и неприветливость домоправительницы, а также мистическая атмосфера и незримое присутствие Ребекки буквально во всем, начиная от ее инициалов на подушках и заканчивая заведенным ею и соблюдаемыми непреложно правилами, делают пребывание молодой женщины в усадьбе невозможным. Постоянное чувство того, что она претендует на «чужое», мучает ее и не дает ей покоя. Это осложняется еще и тем, что Максим никогда не упоминает Ребекку в разговорах, и героине кажется, что он постоянно сравнивает ее с ней, пока не выясняется, что брак Максима и Ребекки был сделкой ради Мендели, а ее саму он ненавидел из-за ее циничной, порочной и лживой натуры и, как выясняется, даже убил.

Благодаря Ребекке Мендели стал тем самым шикарным поместьем, которым восхищались и о котором говорили во всей Англии. Поэтому Мендели, как верный «друг», хранит память о своей хозяйке и не желает впускать в свои владения новых хозяев. Читая роман, мы осознаем, что Мендели не может принять новую хозяйку, и героиня, в свою очередь, тоже не в силах привязаться к этому месту. Будучи из простой семьи и не имея представления о том, как управлять хозяйством, новая миссис де Уинтер не может с легкостью принять на себя все обязанности и привыкнуть к традициям и укладу жизни, характерным для поместья. Кроме этого, на протяжении всего романа мы ни разу не встречаем упоминания о любимых местах героини и, вдобавок, будучи художником-любителем, она ни разу не нарисовала Мендели или его окрестности.

Несмотря на то, что роман называется «Ребекка» и главным персонажем в нем является она, поместье Мендели также играет в нем ключевую роль. Можно сказать, что это два взаимодополняющих друг друга образа, вокруг которых разворачивается сюжет произведения. Связь этих двух образов – Ребекки и Мендели – проявляется еще и в том, что прекрасное поместье, будучи оплотом бывшего аристократического величия семьи де Уинтер, не может стать местом, где будут по-настоящему счастливы Максим и новая миссис де Уинтер. Экономка миссис Дэнверс испытывает презрение к новой хозяйке, которая не может по достоинству оценить Мендели, опять сделать его значимым центром светской жизни, не может стать новой Ребеккой.

Поэтому Мендели, как своеобразный чеховский «Вишневый сад», погибает, исчезая в пожаре. Чеховские мотивы в тексте романа подкрепляются интересными эксплицитными аллюзиями. Во-первых, как мы упоминали в начале, в Мендели служит старый лакей Фрис (Frith), он, словно Фирс из «Вишневого сада», также часто вспоминает былое величие светской жизни поместья и счастливое детство Максима и его сестры. Фрис, также как и Фирс, стар, живет прошлым, всегда одет в белые перчатки. Во-вторых, когда у берега находят затонувшую яхту Ребекки и на это приходят посмотреть отдыхающие неподалеку туристы, одна из них вступает с миссис де Уинтер в разговор и, не подозревая, что перед ней хозяйка Мендели, указывает на поместье и парковую часть Мендели и пророчит ему судьбу участков для домиков с видом на море для простых, «неаристократичных» людей: «Those are nice-looking woods over there; I suppose they're private ... My husband says all these big estates will be chopped up in time and bungalows built. I wouldn't mind a nice little bungalow up here facing the sea. I don't know that I'd care for this part of the world in the winter though» [7, p. 323] («Вон там красивый лес; Я полагаю, он частный ... Мой муж говорит, что все эти большие поместья будут со временем вырублены, и здесь построят бунгало. Я бы не возражала против небольшого симпатичного бунгало здесь с видом на море. Хотя я не уверена, что мне понравилось бы в этих местах зимой»).

Подводя итоги, можно заметить, что выявление чеховских мотивов в «Ребекка» на примере образа поместья Мендели помогает по-новому взглянуть на большое количество эксплицитной и имплицитной информации в романе, а проведенный детальный анализ дескриптивных элементов этого образа и его эволюции в сознании рассказчика (новой миссис де Уинтер), позволяет глубже проникнуть в нравственно-эстетическую концепцию данного произведения. Деконструкции мифа об Аркадии не происходит: величие былой имперской британской аристократической поместной жизни и ее незаурядных представителей является важной составляющей приятных или «болезненных», ностальгических воспоминаний англичан, живущих во второй половине XX века. Пасторальная Англия-Аркадия особенно необходима англичанам, живущим за границей (и как тут не провести параллель с парижской тоской Раневской о своем вишневом саду). Именно поэтому повзрослевшая главная героиня, проживая вместе с мужем вдали от родины, увлекается чтением всего, где сообщается о сельской Англии («I read of chalk streams, of the mayfly, of sorrel growing in green meadows, of rooks circling above the woods as they used to do at Manderley» [7, p. 1] («Я читала о меловых ручьях, о поденках, о щавеле, растущем на зеленых лугах, о грачах, кружащих над лесами, как раньше в Мендели»)), о владельцах и арендаторах ее вересковых пустошей и торфяных болот, результатах ее охотничьих сезонов и даже собачьих гонок. И ей часто снится, что она снова вернулась Мендели: «Last night I dreamt I went to Manderley again» [7, p. 1] («Прошлой ночью мне снилось, что я снова поехала в Мендели»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Parrinder, P. Nation and novel. The English novel from its origins to the present day / P. Parrinder. – L. : Oxford University Press, 2006. – 397 p.
2. Образ Аркадии в английском романе XX века : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03/ Т. А. Склизкова ; Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир, 2012. – 23 с.
3. Готический роман/Энциклопедия Кругосвет. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/GOTICHESKI_ROMAN.html (дата обращения: 15.03.2021).
4. Заломкина, Г. В. Готический миф как литературный феномен : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08, / Галина Вениаминовна Заломкина ; Самарский гос. ун-т. – Самара, 2011. – URL: <http://www.dissercat.com/content/goticheskii-mif-kak-literaturnyi-fenomen> (дата обращения: 19.03.21).
5. Hanson, H. Hollywood Heroines : Women in Film Noir and the Female Gothic Film / H. Hanson. – URL: https://www.academia.edu/19506273/Hollywood_Heroines_Women_in_Film_Noir_and_the_Female_Gothic_Film_DE_HELEN_HANSON_BOOK (дата обращения: 12.04.2021).
6. Ferguson, A. Cornwall : Last night I dreamt of Fowey / A.Ferguson. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/travel/730171/Cornwall-Last-night-I-dreamt-of-Fowey.html> (дата обращения: 10.04.21).
7. Du Maurier, D. Rebecca / D. Du Maurier. – URL: https://royallib.com/read/du_Maurier_Daphne/Rebecca.html#0 (дата обращения: 15.03.21).
8. Дмитриева, Е. Е. Запахи русской усадьбы / Е. Е. Дмитриева // Ароматы и запахи в культуре : в 2 т. / под ред. О. Б. Вайнштейн. – Т. 2. – М. : НЛЮ, 2003. – С. 134–166.